

Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии

А.А. Гиппиус (Москва)

В статье «Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным», опубликованной в 1998 г., Александр Степанович Хорошев указал на важный историко-культурный факт, до того странным образом не обращавший на себя внимания исследователей.¹ Ученый констатировал, что при многочисленности упоминаний Софийского собора в тексте Новгородской 1-й летописи (НПЛ), св. София вплоть до начала XIII в. отсутствует в составе формул божественного патроната над Новгородом – идея попечительства высших сил о городе и его жителях выражается в эту эпоху другими (немногочисленными, впрочем) оборотами, называющими Бога, Богородицу, крестную силу, но не Софию².

Положение меняется в середине десятых годов XIII в., когда тема патроната св. Софии буквально выплескивается на страницы НПЛ в виде россыпи «софийских» формул. Главной из них является формула «Бог и святая София» в ее различных вариантах:

6724 (1216): *И тако, божиею силою и помощюю святыя Софiя одолѣ Мьстиславѣ, а Ярославѣ вда плещи, и пѣлкѣ его* (с. 56)³.

6726 (1218): *...и тако быша вѣча по всю недѣлю. Нѣ Богомѣ дьяволѣ пофранѣ бысть и святою Софию крестѣ възвеличанѣ бысть; и свидошася братья възкупѣ однодушно, и крестѣ цѣловаша* (с. 59).

6728 (1219): *Приде Архиепископѣ Митрофанѣ, оправився Богомѣ и святою Софию, вѣ Новгородѣ марта вѣ 17* (с. 60).

6728 (1219): *...и крестѣ цѣлова и князь и Твѣрдислав. Богомѣ и святою Софию крестѣ възвеличанѣ бысть, а дьяволѣ пофранѣ; а братья вся възкупѣ быша* (с. 60).

6733 (1225): *Князь же Ярославѣ съгони е на Въсвятѣ и навороти на не; и тако, божиею помощюю и святыя София, отѣмаша всѣ полонѣ, а самѣхъ избивша 2000, а прокѣ ихъ разбегошася* (с. 64).

В тех же статьях находим и ряд контекстов, в которых сочетание «святая София», хотя и может быть понято как обозначение храма, подразумевает не столько церковное здание, сколько пребывающую в нем и объединяющую Новгород святыню, выполняя, таким образом, более обобщенно-символическую, чем предметно-номинативную функцию:

6718 (1210): *Приде князь Мьстислав Мьстиславицѣ на Тѣржѣкѣ и изма дворяне Святослави, и посадника оковаша, а товарѣ их кого рука доидеть; а в Новгород присла: «кланяюся святѣ Софѣи и гробу отца моего и всѣмъ новгородцемъ; пришесть есмь к вамѣ, слышавѣ насилie от князь, и жалѣ ми своя отцины»* (с. 51).

6723 (1215): *И потомѣ послаша [к князю Ярославу Всеволодовичу] Мануилу Ягольчевича съ последнею речю: «пойди вѣ свою отцину кѣ святѣ Софи; не идеши ли, а повежѣ ны»* (с. 54).

6723 (1215): *Князь же Мьстиславѣ створи вѣцѣ на Ярославли дворѣ и «пойдемѣ, рече, поищемѣ муж своихѣ, вашей братьи, и волости свои; да не будетѣ Новыи Тѣргѣ Новгородомѣ, ни*

¹ Хорошев А.С. Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Київ, 1998. Т. V. С. 5–25.

² Это «патрональное безмолвие» нарушает только упоминание св. Софии под 6701 г., которое, однако, имеется только в младшем изводе НПЛ и рассматривается А.С. Хорошевым как вторичное (к чему мы еще вернемся).

³ Здесь и далее номера страниц в скобках отсылают к изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.:Л., 1950 (переизд.: ПСРА. Т. 3. М., 2000).

Новгородъ Тържкомъ; нъ кѣде святая Софія, ту Новгородъ; а и въ мнозѣ богѣ, и въ малѣ богѣ и правда» (с. 54).

6726 (1218) Твердиславъ же, позря на святую Софію, и рече: «даже буду виноватъ, да буду ту мертвъ; буду ли правъ, а ты мя оправь, Господи»; и поиде съ Людинемъ концемъ и с пруси (с. 58).

6732 (1224) Новгородци же по путьмъ сторожи поставиша, а твърди издѣлаша; хотѣша умрети за святую Софію о посадницѣ о Иванцѣ о Дмитровици (с. 64).

6636 (1228) Тѣгда же новгородци рѣша: «дажъ что зло съдумавъ на святую Софію, а побеглъ; а мы ихъ не гонили, нъ братю свою есме казнили; а князю есме зла не створили никотораго же; да оно имѣ богъ и крестъ честныи, а мы собѣ князя промыслимъ» (с. 67).

Возникший таким образом «софийский» формульный фонд, в дальнейшем активно разрабатываемый новгородскими летописцами, выражает цельную идеологическую программу, смысл которой очевиден: Новгород находится под особым покровительством Святой Софии, а посвященный ей храм есть его духовное основание, абсолютный нравственный авторитет, объект упований и преданного служения.

То, что эта программа, декларирующая духовную тождественность понятий «Новгород» и «Святая София», имеет в местной летописной традиции столь четко обозначенное начало, нуждается в объяснении. Как следует понимать отмеченный А.С. Хорошевым хронологический рубеж? Присутствуем ли мы при рождении самой идеи софийского патроната, или же представление о нем, и ранее существовавшее в новгородской культуре, в десятилетия XIII в. лишь находит выход на страницах городской летописи?

Второе кажется априори более вероятным. Как показывают уже древнейшие граффити, оставленные на стенах Софийского собора расписывавшими его художниками, София с самого основания храма воспринималась в качестве особой духовной сущности, к покровительству которой прибегали молящиеся новгородцы¹. Естественно думать, что и общественное самосознание Новгорода уже в XI в. строилось вокруг посвящения местного кафедрального собора. Однако новгородская литература XI–XII вв. слишком небогата памятниками, чтобы ожидать от нее – помимо летописи – проявления идеологии софийского патроната. Главным литературным выразителем коллективной идентичности является для Новгорода этой эпохи именно летописание, и в этом смысле динамика летописной риторики приобретает самодовлеющее значение как показатель ее эволюции.

Впрочем, некоторый материал для сравнения все же имеется в виде дошедших до нас поучений двух новгородских архиереев – Луки Жидяты и Ильи (Иоанна). В первом Святая София не упоминается, меж тем как второе представляет для нашей темы несомненный интерес. Именно в поучении Ильи впервые в новгородской литературе фиксируется образующее ядро софийского формульного фонда сочетание «Бог и святая София»: «Язъ надѣюся на Бога и на святую Софію, яко не имѣю тои мысли, оже бы что на вас замысливше, абы у кого что взяти: то того ми не даи Богъ»². Характерно, однако, что этот оборот встречается лишь один раз и в конце поучения, тогда как во вступлении в аналогичных контекстах трижды упоминается Богородица³. Софийская тема, таким образом, хотя и присутствует в тексте, но лишь на втором плане, уступая первый более значимому образу Богородицы. На этом фоне неслучайным выглядит упоминание Софии в ле-

¹ Мединцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского Собора. М., 1978. № 26, 200. Какой смысл вкладывался при этом в понятие Софии – отдельный вопрос, породивший обширную литературу; в данной работе мы сознательно обходим его стороной, нас будет интересовать исключительно функциональный, а не феноменологический аспект софийского культа.

² Павлов А.С. Неизданный памятник русского церковного права XII в. // ЖМНП. 1880. Ч. 271. Октябрь. С. 291.

³ «Се Богови, братіе, тако изволшу и святѣи Богородици и вашей молитвѣ, оже мнѣ худому немощно бы отречися сего и великаго сану, его же нѣсмь достоинъ былъ. Но то Богови свѣдушу и пресвятѣи Матери Его, яко не самъ его взискахъ, нъ убоявся суда Божіа и вашей любви, иже до моеи худости. Нъ оже, братіе, погодится что телесное, тѣ надѣюся на Бога и на святую Богородицу, яко всяко не хошу озлобити васъ, своеи братіи, ни на то бо есмь вшелъ, а то Богъ вѣсть и вы» (Там же. С. 291–292).

тописном рассказе о центральном событии периода архиепископства Ильи-Иоанна: 25 февраля 1170 г. победа над суздальцами была обеспечена «силою крестною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Илие» (с. 33).

Причина длительной нереализованности патронального потенциала Софии представляется, вообще говоря, достаточно ясной: виной тому, по-видимому, абстрактность самого понятия Софии – Премудрости Божией, не имевшего, в отличие от Честного креста или Богородицы, ни своего эксплицитного календарно-литургического выражения, ни зримого, предметного образа, с которым – опять же эксплицитно, а не в качестве допустимой интерпретации – соединялось бы это представление. Воплощением понятия Софии был для новгородца, конечно, сам Софийский собор – храм Софии-Премудрости, но восприятие храма, церковного здания в качестве палладиума было далеко от самоочевидности; утверждение его в общественном сознании требовало целенаправленных усилий.

Свидетелями этих усилий мы и оказываемся при чтении статей НПА 1210-х гг. Существо летописной инновации заключается, конечно, не в изобретении формулы «Бог и святая София» (обладающей вполне регулярной структурой)¹, но в ее форсированном внедрении, превращении в лейтмотив, создании на ее основе развернутого формульного ряда, своего рода словесной иконы, которая и становится с этих пор носителем идеи софийского патроната.

Для понимания природы этого идеологического сдвига важен его собственно литературный аспект. С этой точки зрения всплеск софийской риторики в статьях 6723, 6724, 6726, 6728 гг. выглядит одним из проявлений происходящего в эти годы общего обновления повествовательной структуры НПА. На протяжении первых полутора веков существования в Новгороде непрерывной традиции погодного летописания (вслед за М.Х. Алешковским мы возводим ее к созданно-

му около 1115 г. своду Мстислава Владимировича) эта структура развивается, постепенно усложняясь и проходя путь от лапидарных погодных записей начала XII в. до пространного повествования о событиях середины XIII в. Рассматриваемый период знаменует собой один из важнейших этапов этой эволюции.

Начиная со статьи 6722 г. резко возрастает средний объем годовой статьи, изложение становится намного более обстоятельным². В повествование широко вводится прямая речь, причем если ранее ее немногочисленные вкрапления носили чисто информативный характер, то теперь летописные персонажи произносят совсем иные речи, отличительные черты которых – героическая топка в сочетании с иронией, использование тропов, особая синтаксическая экспрессия – свидетельствуют уже об определенных литературных амбициях. См., например:

6722: *Рекоша емоу новгородьци: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържемъ»* (с. 53).

6722: *И рече Твърдиславъ посадникъ: «Яко, братие, страдали дѣди наши и отци за Роусьскую землю, тако, братие, и мы поидимъ по своему князи»* (с. 53).

6723: *И цѣлова честный крестъ, а новгородьци к нему, яко с нимъ въ животъ и въ смерть: «Любо изищю моужи новгородьстии и волости, пакы ли, а головою повалю за Новъгородъ»* (с. 54).

6724: *Отвѣташа же: «Мира не хотимъ, а моужи оу мене, а далече есте шли и вышли есте, акы рыбы на соуху»* (с. 56)³.

Параллельно возрастает удельный вес комментирующих фрагментов текста, повествование насыщается идеологически и эмоционально, перемежается авторскими восклицаниями и прямыми обращениями к аудитории:

6723: *О, горе тѣгда, братие, бяше!* (с. 54).

6723: *О горѣ бяше! По тѣргу трупице, по оулицямъ трупице, по полю трупице* (с. 54).

¹ В структурном отношении эта формула представляет собой одну из реализаций модели «Бог + X», в которой место X может занимать Богородица, любой святой или даже адресат высказывания («Бог и ты»).

² См. количественные данные: Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2004–2005. М., 2006. С. 249–250.

³ См. другие примеры: Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись... С. 186–187.

6724: *Оле страшно чюдо и дивно, братие! Поидоша сынове на отця, брат на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ* (с. 56).

6724: *О мѣного побѣды, братие, бецислъное число, око не можетъ умъ челоувечьскъ домысли-ти избъеныхъ а повязаныхъ* (с. 56).

6724: *О великъ есть, братие, промыслъ божи!* (с. 57).

6726: *О, великое, братие, чюдо свади оканъ-ныи дияволъ!* (с. 59)¹.

Все это совсем непохоже на суховато-лаконичную манеру, в которой, за редкими исключениями, выдержаны записи за XII – начало XIII в.

Можно сказать, что начиная с десятых годов XIII в. перед нами в НПЛ уже другая по своим литературным характеристикам летопись. И важнейшей риторической составляющей этого «нового стиля» является набор формул, выражающих идею патроната Святой Софии над Новгородом.

Столь решительное изменение нарративной стратегии предполагает смену образцов, на которые ориентировался летописец. Указать эти новые образцы не составляет большого труда. Близкие аналогии приведенным выше героическим речам находим в Киевской летописи XII в., а отчасти и в Повести временных лет. Сравните:

НПЛ	Ипатьевская летопись
6718: «пришелъ есмь к вамъ, слышавъ насилие от князь, и жалъ ми своя отцины»	6476: «Аще не придеши, ни вборониши на(с̄), да паку възмутъ, аще ти не жалъ итѣчины своа и мтръ стары суца и дѣти свои» (л. 26 об.)
6722: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържемъ»	6479: «Идеже глава твоя ляжетъ, ту и главы наша сложим» (л. 27 об.)
6722: «Яко, братие, страдали дѣди наши и отчи за Роусьскоую землю, тако, братие, и мы поидимъ по своемъ князи»	6654: «кде оузримъ стагъ твои, тоу и мы с тобою готови есмь» (л. 119 об.)
6723: «Любо изищю моужи новгородьстии и волости, паку ли, а головоу повалю за Новъгородъ» (с. 54).	6656: «Пришелъ есмь нарекъ Бѣ̄ и тебе, зане ты еси старѣи на(с̄) Володимирихъ вноуцѣхъ, а за Рускоую землю хочю страдаати и подлѣ тебе ѣздити» (л. 134)
6724: «къняже, не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на Кулачьскѣи пѣши»	6658: «но любо голову свою сложю, паку ли вѣчину свою налѣзу и вашу всю жизньъ» (л. 149).
6726 (1218) Твердиславъ же, позря на святую Софию, и рече: «даже буду виновать, да буду ту мертвъ; буду ли правъ, а ты мя оправи, Господи»	6654: Изаславъ же събра вѣса на поли и хрс̄тыаныа и поганыа и ре(ч̄) имъ: <...> любо си головоу полож[ю] передъ вами, любо си налѣзоу столь дѣда своего и ѡца своего (119 об.)
	6659: «хочемъ же за ѡца вашего за Вачьслава и з[а] та и за брата твоего Ростислава и за всю братью и головы своѣ сложити, да любо ч(с̄)тъ вашу налѣземъ, пак ли хочемъ с вами тоу измерети, а Гюрга не хочемъ (154 об.)
	6659: «хочемъ же за ѡца вашего за Вачьслава и зата и за брата твоего Ростислава и за всю братью и головы своѣ сложити; да любо ч(с̄)тъ вашу налѣземъ, па(к̄) ли хочемъ с вами тоу измерети, а Гюрга не хочемъ» (154 об.)
	6654: Стѣславъ же сгадавъ с бра(т̄)ею и с Половци, с моужи своими, възра на Бѣ̄ на стую Бѣю, изииде въ срѣтение емоу (123 об.)
	6659: и ре(ч̄) Вачьславъ, израса на стую Бѣю иже есть надъ Золотыми вороты: а тои ны прч(с̄)тѣи Гжи судити съ снмъ своимъ и Бмъ наши(м̄) въ сии вѣкъ и в будущи (155 об.)

¹ См. другие примеры: Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись... С. 191–193.

Поскольку речь не идет о прямом цитировании (совпадают не целые фразы, а лишь модели их построения и отдельные обороты), отмеченные сходства могут, в принципе, объясняться независимым использованием новгородским и киевскими летописцами общего формульного языка древнерусской княжеско-дружинной среды, известного нам преимущественно по летописанию, но, несомненно, существовавшего и в иных формах: дипломатической, эпистолярной, эпической и др. Важно поэтому, что комбинация совпадений сближает рассматриваемые статьи НПЛ именно с Киевским сводом конца XII в., а не, скажем, с Суздальской или Галицко-Волынской летописью. Это, а также то, что совпадения затрагивают не только прямую речь, но и ее нарративное обрамление (*позря на святую Софию ~ озряся на святую Богородицу*), позволяет предполагать знакомство новгородского автора именно с этим летописным памятником.

Литературный прототип в начальном киевском летописании находят, как кажется, и знаменитые слова Мстислава Удалого: «Да не будет Новии Търгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържькомъ» (с. 54). Единственную известную нам параллель к этому географическому хиазму составляет прорицание волхва в статье 6579 г. Повести временных лет: «В си же времена приде волхвъ прелщень бѣсомъ. Пришедь бо Къеву глше сице повѣдаа людемъ, яко на патое лѣто Днѣпру потещи вспать и земламъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли [на Рускои] а Русьскы на Гречьскои и прочимъ земламъ измѣнитиса»¹. В контексте ПВЛ обещанная волхвом «рокировка» связывается с упомянутой двумя годами ранее угрозой киевлян Святославу и Всеволоду *уйти в Греческую землю* («... а поидѣта в градъ шѣа своего, аще ли не хочета, то на невола, [зажегше] градъ свои ступимъ въ Гречьску

землю»)². Если учесть, что эта угроза прозвучала в момент, когда Изяслав вел на Киев «Лядскую землю» («а се ведеть на ны Лядскую землю»), становится ясно, что в пророчестве волхва под «преступлением земель» имелось в виду массовое перемещение их народонаселения. Подобным перемещением была, по мысли новгородского летописца, чревата и ситуация 1215 г., когда вследствие массового оттока жителей из охваченного голодом Новгорода в Торжке оказалось больше новгородцев, чем в самом Новгороде, в связи с чем он и в самом деле грозил сделаться «Новгородом», а Новгород – «Торжком».

Еще одна характерная особенность «нового стиля» – восклицательные «О!»-фразы – почерпнута из местной, новгородской летописной традиции, в которой, однако, данная черта была до сих пор представлена отдельными, далеко отстоящими друг от друга примерами. Так, из двух восклицаний, которыми летописец комментирует итоги битвы на Липице – «О, мѣного побѣды, братие, бещисльное число!» (с. 56) и «О, великъ есть, братие, промысль божи!» (с. 57) – первое явно навеяно известием статьи 6577 г. о победе над Всеславом («О, велика бѣше сѣця Вожаномъ, и паде их бещисленное число» (с. 27)), а второе – открывавшим владычную летопись Предисловием к киевскому Начальному своду 1090-х гг. («Великъ бо есть промысль Божи!»)³.

В построении тех же восклицательных фраз ощущается и влияние нелетописных образцов: подчеркивая сверхъестественную природу происходящего, летописец явно ориентировался на агиографическую традицию. Ср. параллели из Чудес Николая Чудотворца по списку XIII в. (ГИМ, Хлуд. 215):

6724: Оле страшно чюдо и дивно, братие!	О страшно и дивно чюдо! (л. 10 об.)
6726: О, великое, братие, чюдо!	О великое чюдо! Страхъ бо мя великъ вбѣдържи, бра(т)ѣ, юже вы хоцю съказати ѡ семь чюдѣ (л. 2)
	О (вар.: оле) чюдо! (л. 5) ⁴

Агиографический топос (характерный также для гимнографии и гомилетики) использован и во второй части фразы: «О мѣного побѣды, братие, бещисльное число, *око*⁵ не может умъ чело-

вечьскѣ домыслити избьеныхъ а повязаныхъ». Ср., например, в Житии Андрея Юродивого: «Богъ бо вѣсть, яко тако есть дѣло то, *якоже оумъ члвчскѣ разѣмѣти не можетъ*»⁶.

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 174.

² См. подробное исследование вопроса: Лукин П.В. «...Нам неволя: зажегше град свои, ступим в Гречьску землю»: К интерпретации статьи Повести временных лет под 6577 г. // *Rossica antiqua. Исследования и материалы*. СПб., 2006. С. 229–259.

³ Так в Троицком списке НПЛ и летописях Новгородско-Софийской группы (НПЛ. С. 512; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 11).

⁴ Макеева И.И. «Сказание чудес Николая Мирликийского» // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2002–2003. М., 2003. С. 250, 256, 268.

⁵ Заметим, что «око» в этой фразе здесь является союзом, синонимичным «яко».

⁶ Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 429.

Смена литературной манеры, в рамках которой идеология софийского патроната утверждается на страницах НПЛ, может означать лишь одно: к ведению городской хроники приступил в эти годы книжник с исключительно яркой авторской физиономией. Уровень наших сегодняшних знаний о процессе формирования текста новгородской владычной летописи позволяет определить статус этого автора.

В специальном исследовании данной проблемы, мы, основываясь на обширном наборе языковых и стилистических признаков, разделили текст НПЛ с 6623 (1115) по 6838 (1330) г. на двенадцать «авторских» сегментов, границы между которыми в большинстве случаев (семи из одиннадцати) совпадают с переменами на новгородской епископской кафедре, – корреляция, означающая, что смена новгородского владыки регулярно влекла за собой смену владычного летописца¹.

Интересующий нас автор определяется, согласно этим результатам, как летописец архиепископа Антония, которому мы атрибулируем основной текст НПЛ за 6719 (1209) – 6734 (1226) гг. Начало этого отрезка совпадает с моментом избрания Антония на кафедру (вместо изгнанного в том же году архиепископа Митрофана), заканчивается же он за два года до добровольного оставления Антонием епископии в 6736 (1228) г.²

Сразу заметим, что такая сегментация может рассматриваться лишь как первое приближение к подлинной картине. Первая треть XIII в. – период уникальный в истории новгородской епископии. В промежутке между указанными датами на софийской кафедре, помимо Антония, успел еще раз побывать Митрофан, восстановленный на ней в 1220 г., а после смерти Митрофана (3 июля

1223 г.) – Арсений, который, не дождавшись хиротонии, был в 1225 г. смещен вернувшимся Антонием. В столь беспокойное время владычная летопись теоретически могла несколько раз переходить из рук в руки, попутно подвергаясь редактуре (к чему мы еще вернемся)³. Сейчас, однако, для нас важно, что набор «софийских» формул возникает в статьях 6723 (1215) – 6726 (1218) гг., демонстрирующих единство литературной манеры и, несомненно, принадлежащих перу одного автора, начавшего свою работу над летописью после вступления на кафедру Антония. Программный характер этого формульного набора заставляет думать, что инициатором освоения владычной летописью темы софийского патроната был сам Антоний.

Сделанный вывод как нельзя лучше согласуется с тем, что мы знаем о личности этого новгородского владыки. Как известно, своим избранием на кафедру Антоний, в миру – Добрыня Ядрейкович, был обязан князю Мстиславу Мстиславичу (Удалому), не ужившемуся с его предшественником Митрофаном, ставленником суздальского князя Всеволода III Большое Гнездо. Близость к Мстиславу определила и дальнейшие перипетии карьеры Антония: на следующий год после ухода Мстислава из Новгорода (1218) он лишается кафедры, а еще год спустя решением митрополичьего суда получает епископию в Перемышле (1220), под боком у своего патрона, к этому времени обосновавшегося в Галиче. Как замечает по этому поводу А. Поппэ, «основание перемышльской кафедры, прежде входившей в состав Галичской епархии, надо рассматривать как результат договоренности между митрополитом и галичским князем Мстиславом Удалым (с 1219 г.), покровительство-

¹ Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись... С. 210–213.

² Следующий владычный летописец, по-видимому, приступил к работе лишь в 1230 г., после хиротонии избранного в 1229 г. Спиридона, и начал свою работу с того ретроспективного изложения событий двух предыдущих лет, в течение которых новгородская кафедра пустовала (см. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 3–72).

³ Ничто, впрочем, не указывает на то, что возвращение Митрофана повлекло за собой «отставку» летописца Антония. Статья 6728 г., сообщающая о восстановлении Митрофана на кафедре, в литературном и идейном отношении неотделима от статей 6722–6726 гг. Мы находим в ней сразу две «софийские» формулы (см. примеры в начале статьи), героическую топику («Князь же узрѣвъ рядъ ихъ, оже хотять крѣпко животь свои отдати...») и такую же апологию Твердислава Михалковича, как и в статье 6726 г. По-видимому, летописец Антония сохранил свою позицию и при вернувшемся Митрофане. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что конфликт двух владык был разрешен в Киеве к удовлетворению обеих сторон. Говоря об оправдании Митрофана «Богом и святою Софиею», летопис-

вавшим Антонию»¹. Ввиду этих обстоятельств не удивительно, что первые летописные свидетельства софийского патроната обнаруживаются в текстах, объединенных фигурой Мстислава Удалого (см. примеры под 6719, 6723 и 6724 гг.); в уста Мстислава вложена и выражающая квинтэссенцию «новгородско-софийской» идеологии формула «Где Святая София – там и Новгород»².

Столь же важно, что избранию на кафедру Антония предшествовало его возвращение из Царьграда, откуда Добрыня Ядрейкович привез «Гроб Господень», открывший для него ворота владычного двора (с. 52). Результатом пребывания Добрыни в Константинополе стала «Книга Паломник» с подробнейшим описанием царьградских святынь и прежде всего Святой Софии. Открывающая этот текст инвокация – «Божимъ милосердиемъ и помощьюъ Святыя Софии, еже глаголется Премудрость, Присносущное Слово, приидохомъ во Царьградъ»³ – ближайшим образом напоминает летописные формулы (ср.: «Божиею силою и помочью святыя София»). Паломничество Антония, проходившее под эгидой Святой Софии, не могло не укрепить в нем сознания великой значимости для Новгорода софийского культа, объединявшего город на Волхове со столицей православного мира.

Особенно – после того, как эта столица бесславно пала в 1204 г. Включение в НПЛ «Повести

о взятии Царьграда фрягами» есть все основания связывать с Антонием независимо от того, был ли сам Добрыня Ядрейкович автором «Повести» (что кажется весьма вероятным) или нет⁴. История о том, как «погыбе царство богохранимаго Константинаграда и земля Грьчьская въ свадѣ цесаревъ» (с. 49), вписывается в идейную программу летописца Антония как поучительный антипример. Извлекаемый из него урок очевиден: для раздираемого усобицами Новгорода существует лишь один путь избежать подобной же участи – осознать свое единство как христианской общины, сплотившись вокруг Святой Софии и ее реликвий.

Благодаря Антонию круг этих реликвий существенно расширился. Что представлял собой «Гроб Господень», принесенный Добрыней из Константинополя, доподлинно не известно, вопрос этот издавна вызывал споры, продолжающиеся и по сей день. По одной версии, летописная запись имеет в виду хранившуюся в Софийском соборе «бенберековую» ленту, «меру Гроба Господня», по которой Антонием, после его восшествия на кафедру, был перестроен престол главного алтаря собора⁵. Согласно другой гипотезе, Антоний привез из Константинополя некий саркофаг, завершив таким образом формирование уже существовавшей к этому времени в юго-западном компартименте собора часовни Святого Гроба⁶. Во втором случае принесение

сец подчеркивает, что и Антоний не был обижен митрополитом, получив почетное назначение на перемышльскую кафедру: «а Антония митрополить у себе въ чести, вѣда ему епископью въ Перемышли»).

¹ [Поппэ А]. Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.) // Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 202.

² Связь Антония с Мстиславом может объяснить и использование летописцем Антония Киевского «свода 1200 г.» – факт, вообще говоря, далеко не нетривиальный. Единодушное мнение исследователей считает заказчиком этого свода Рюрика Ростиславича. По убедительному предположению А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, Мстислав Мстиславич, появившийся на свет после смерти отца (Мстислава Храброго), был в юности (пришедшейся на 90-е гг. XII в.) связан в первую очередь с семьей своего дяди Рюрика Ростиславича (см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимии. М., 2006. С. 300). Сделавшись самостоятельным князем, Мстислав вполне мог обзавестись собственным экземпляром «семейной хроники Ростиславичей», каковой был по своей общей тенденции свод Рюрика. Привезенный Мстиславом в Новгород (где, очевидно, его и использовал летописец Антония), этот экземпляр «свода 1200 г.» должен был в дальнейшем оказаться в Галиче. Не в этом ли заключается разгадка того, почему «свод 1200 г.» дошел до нас в Ипатьевской летописи в соединении с Галицко-Вольнской летописью?

³ Лопарев Х.М. Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 г. // Православный палестинский сборник. 1899. Вып. 51. С. 2.

⁴ Заметим, что положительное решение этого вопроса далеко не равнозначно признанию Добрыни очевидцем событий: текст вполне мог быть написан им на основе устных рассказов, слышанных в Константинополе.

⁵ Царевская Т.Ю. О царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003. С. 400–402.

⁶ Гордиенко Э.А. Часовня Гроба Господня в Софийском соборе // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 99.

Добрыней в Новгород «Гроба Господня» из разоренного Царьграда вполне могло пониматься современниками как акт перенесения, трансляции реликвии, делавший новгородскую Софию приемницей главной святыни Софии Константинопольской, с поклонения которой будущий новгородский архиепископ начал в 1200 г. свой паломнический маршрут («Преже поклонихомся святѣй Софии и пресвятаго Гроба Господня двѣ досцѣ цѣловахомъ»¹).

Вместилищем другой важнейшей реликвии, привезенной Добрыней Ядрейковичем из Константинополя, – частиц Крестного древа – стал изготовленный по заказу архиепископа Антония напрестольный (воздвизальный) крест, на протяжении столетий остававшийся главным напрестольным крестом новгородской Софии². Кульминацией поклонения этому священному предмету был чин воздвижения Креста, совершаемый 14 сентября, на праздник Крестовоздвижения, который, как и его канун – Обновление храма – был окружен в Новгороде особым почитанием³. Это литургическое действие следует иметь в виду, читая комментарий, которым летописец дважды выражает радость по поводу благополучного разрешения конфликта между кончанскими группировками: «Богомъ дияволь погранъ бысть, и святою Софиею крестъ възвеличянь бысть; и съидошася братья въкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша» (6726, с. 59); «Богомъ и святою Софиею крестъ възвеличянь бысть, а дьяволь погранъ; а братья вся въкупѣ быша» (6728, с. 60). Соединение символов Креста и Софии достигает здесь почти иконной выразительности: за ним угадывается традиционная иконография Крестовоздвижения, изображающая

чин воздвижения Креста, совершаемый в соборе Св. Софии в Константинополе (самым ранним русским свидетельством этой иконографии является табличка Новгородского Софийского собора конца XV в.).

В статье 6726 г. этот апофеоз Креста и Софии составляет вторую часть риторического диптиха, в первой части которого усобица объявляется следствием дьявольских козней:

О, великое, братие, чюдо свади оканьнии дияволь! когда быше брани быти на поганья, тѣгда ся начаша бити межи собою <...> Нъ Богомъ дияволь погранъ бысть, и святою Софиею Крестъ възвеличянь бысть; и съидошася братья въкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша (с. 59)

Сетование летописца на то, что братья во Христе избивают друг друга *вместо того, чтобы сообща вести войну с язычниками*, перекликается с пассажем из «Книги Паломник», разъясняющим смысл чуда, наблюдавшегося в константинопольской Св. Софии 21 мая 1200 г., на память св. Константина и Елены. Чудо, напомним, заключалось в следующем: золотой крест с тремя кадилами, висевший в алтаре за престолом перед другим, огромным крестом, вознесся выше большого креста и тихо опустился на место с непогасшими кадилами. В «Книге Паломник» это явление толкуется как знамение скорого наступления того благодатного состояния мира, когда «будут християне во единой любви, *не имущи рати межу собою*; но токмо на тех имут воевати, кто не восхоцет во крещение внидти, да и волею и неволею принудит их Бог внити во крещение»⁴.

Судьба царьградских реликвий Антония и его константинопольский опыт кажутся, таким образом, имеющими прямое отношение к формированию на страницах НПЛ софийского формульного фонда.

¹ Лопарев Х. М. Книга Паломник... С. 2.

² См.: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М., 1996. С. 130–134. Как и в случае с реликвиями Святого Гроба, Антоний выступал здесь продолжателем традиции, идущей от «креста Володимирова», вложенного в Софийский собор его основателем, Владимиром Ярославичем, и чудесно обретенного в 1066 г. после победы над Всеславом Полоцким (НПЛ. С. 17).

³ Праздник Обновления храма (13 сентября), установленный в память о построении Константином и Еленой храмотонды над Гробом Господним в Иерусалиме, был, как предполагается, днем освящения Софийского собора (см.: Брюсова В. Г. О времени освящения Новгородской Софии // Культура средневековой Руси: Посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 111–114; Стерлигова И. А. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М., 1996. С. 36–37).

⁴ Лопарев Х. М. Книга Паломник... С. 47–48.

Особого разговора заслуживает самое раннее летописное свидетельство формулы «Бог и св. София», фиксируемое – только в младшем изводе НПЛ – под 6701 (1193) г. Хронологически выпадая из общего ряда, оно может показаться противоречащим сказанному выше о роли Антония как проводника идеи софийского патронажа в новгородском летописании. При ближайшем рассмотрении, однако, данный пассаж оказывается едва ли не наиболее ярким подтверждением нашего тезиса.

Эпизод, о котором идет речь, является кульминацией рассказа о трагическом для Новгорода походе в Югру, закончившемся практически полным истреблением новгородского войска. Читаемая в младшем изводе пространная версия рассказа делает его главным героем Яковца Прокшинича, убитого по наущению предателя Савки (Савицы). Приведем текст по Комиссионному списку, выделив пассаж, отсутствующий в Синодальном списке:

В то же лѣто идоша из Новагорода въ Югру ратью с воеводою Ядрѣкомъ; и приидоша въ Югру и взяша город, и приидоша къ другому городу, и затворишася въ градъ, и стояша под городомъ 5 недѣль; и послалаху из города к нимъ съ льстивою рѣчью, ркуще тако: яко «сбираемъ сребро, и соболю, и иная узорочиа, а вы не губите нас, своих смердовъ и своєї дани», а в то время копяще воиско. И яко уже скопишася вои и выслася изъ города к воеводѣ, рекши тако: «поиди въ город, поемши со собою 12 мужа»; и иде в город, понявши съ собою попа и Иванка Легена и иных вячших; и иссѣкоша я на канунъ святыя Варварѣ; и выслаша паки, и пояша 30 муж вячших, и тѣх иссѣкоша; и потомъ 50. *Потомъ рече Савка князю югорьскому: «аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшинича, а живого пустиши в Новгород, то тому ти, княже, опять привести вои съмо, и землю твою пусту сътворишъ. И призавши князь Яковца Прокшинича, и повелъ его убити. И рече Яковецъ Савици: «брате, судит ти богъ и святая Софѣя, аще еси подумалъ на кровь братъи своєї; и станеши с нами предъ богомъ и отвѣцаеши за кровь нашою». И то ему рекъши, убиенъ бысть. Тѣ бо Савица переветъ дер-*

жаше отаи съ княземъ югорьскимъ. И потом, яко изнемогоша людие гладом, стоялъ бо бяху 6 недѣль, слушающе лестьбѣ их, и на праздникъ святого Николы выльзѣше изъ града, иссѣкоша вся; и бѣ туга и бѣда останку живых, бѣ бо остался их 80 муж. И не бѣше вѣсти чресь всю зиму в Новгород на них, ни на живых, ни на мертвых; и печаловахутся в Новѣгородѣ князь и владыка и всь Новгород (с. 233).

А.С. Хорошев, отметив хронологическую изолированность данного упоминания Св. Софии и отсутствие его в Синодальном списке, предположил, что «сохранившийся в Комиссионном варианте рассказ мог попасть в летопись из какого-то неизвестного нам источника, более морализованного по характеру, чем Синодальная рукопись»¹. Сходным образом в свое время трактовал данное расхождение двух изводов Д.И. Прозоровский, говоря о дополнении к «Германо-Тимофеевской летописи» (т. е. старшему изводу НПЛ), сделанном в «летописи попа Иоанна» (т. е. младшем изводе) на основании некоего древнего памятника². А.А. Шахматов, напротив, считал текст младшего извода первоначальным, предполагая пропуск в Синодальном списке³; с ним солидарен В.Л. Янин, усматривающий в этом сокращении определенную тенденцию⁴.

Предпринятый нами специальный анализ соотношения двух изводов НПЛ на данном участке текста подтвердил правоту догадки Д.И. Прозоровского и А.С. Хорошева⁵. Согласно нашим выводам, два пассажа статьи 6701 г., отсутствующие в Синодальном списке – эпизод убийства Яковца Прокшинича и подробности избрания архиепископа Мартирия в начале статьи – представляют собой вставки, сделанные во владычную летопись при ее редактировании на рубеже XII–XIII в. Эту редактуру, прослеживаемую в статьях 6701–6706 гг. (по 6703 г. – только в младшем изводе, а начиная со статьи 6704 г. – также и в Синодальном списке)⁶,

¹ Хорошев А.С. Новгородская Святая София... С. 7–8.

² Прозоровский Д.И. О родословии св. Антония, архиепископа Новгородского // ИРАО. 1880. Т. 9. С. 85.

³ Шахматов А.А. Киевский Начальный свод 1095 года // А.А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 129.

⁴ Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV века // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 173–174. Отметим, однако, близкую к высказанной А.С. Хорошевым точку зрения Д.И. Прозоровского, видевшим в данном эпизоде дополнение к «Германо-Тимофеевской летописи» (то есть старшему изводу НПЛ), сделанное в «летописи попа Иоанна» (младшем изводе) на основании некоего древнего памятника (Прозоровский Д.И. О родословии св. Антония, архиепископа Новгородского... С. 85).

⁵ См.: Гиппиус А. А. К истории сложения текста... С. 24–27.

⁶ Это различие мы объясняем тем, что в части до 6703 г. включительно Синодальный список имел своими антиграфом дополненную местными записями копию владычной летописи, принадлежавшую Юрьеву монастырю, а начиная со статьи 6704 г. – непосредственно «официальный экземпляр» владычной летописи.

мы связали с кончиной Мартирия в 1199 (6707) г., а вставку эпизода убийства Яковца Прокшинича – с фактом закладки в том же году каменной церкви Сорока мучеников, основанной при участии Прокши Малышевича («с Прокшей Малышевичем»), в котором уверенно опознается отец убитого в 1193 г. Яковца Прокшинича.

Рассматривая «редактуру 1199 г.» как изолированный эпизод в истории текста НПЛ, я в свое время упустил из виду тот факт, что идеологически и литературно ее проявления в статье 6701 г. сближаются с погодными статьями периода архиепископства Антония. Формула «Бог и Святая София» – далеко не единственное, что связывает эти тексты. Общей является сама детализация повествования, появление «крупного плана», а также героический пафос речи Яковца Прокшинича, сильно напоминающей речи посадника Твердислава в статьях 6722 и 6726 гг. Как уже было сказано, образец для своих героических речей летописец Антония мог найти в киевской летописной традиции, включая и Повесть временных лет (или Начальный свод, частично вошедший в свод Мстислава 1115 г.). Знаменательно поэтому, что первый случай прямого использования новгородской епископской летописью текста Начальной летописи представляет речь архиепископа Мартирия при освящении церкви Преображения в Русе в 1198 (6706) г., дословно цитирующая речь Владимира Святославича при освящении Десятинной церкви¹. Эту речь мы ранее отнесли к числу вставок «редактора 1199 г.».

Отметим также частное совпадение на уровне фразеологии. В рассказе о выборах архи-

епископа в Академическом списке читаем: «и бысть распрѣ в них, и положиша на святеи тряпезе трие жребии...» (с. 232)². Выделенные слова встречаем и в статье 6722 г., в которой литературная манера летописца Антония впервые обнаруживает себя в полной мере: «и бысть распрѣ новгородцем со смолняны». Нигде более в НПЛ данный оборот не встречается, между тем и здесь можно предполагать влияние начального летописания, ср. в ПВЛ под 6581 (1073) г.: «Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сеи Ярославличихъ, и бывши распрѣ межѣ ими, быста съ себе Стославъ со Всеволодомъ на Изаслава»³.

Причастность Антония к редакции летописных статей 6701–6706 гг. находит объяснение в происхождении и связях Добрыни Ядрейковича. Еще В.О. Ключевский опознал в возглавлявшем югорский поход воеводе Ядрее отца Добрыни. Крайняя редкость имени делает эту родственную связь практически гарантированной⁴. Косвенно ее подтверждает и факт основания Антонием в 1218 г. церкви св. Варвары в одноименном монастыре: Варварин день был для Антония днем памяти отца, убитого «на канунъ святыя Варвары»⁵. В память о жертвах югорского похода возводилась, согласно нашему предположению, и заложенная в 1199 г. «с Прокшей Малышевичем» церковь Сорока мучеников⁶. Растянувшееся на десять лет строительство храма явно неслучайно завершается в том же 1211 г., в котором Антоний становится архиепископом, роспись же его фресками в 1227 (6735) г. приходится на короткий период второго пребывания Антония на кафедре (1225–1228). И хотя заслугу попечительства об этом храме летопись целиком приписывает

¹ См.: Клосс Б.М., Лурье Я.С. Русские летописи XI–XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. С. 81.

² Так же в Тверском сборнике и летописях Новгородско-софийской группы; чтение Комиссионного списка («в них паки распрѣ бысть немала») вторично.

³ ПСРА. Т. 2. С. 172.

⁴ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 61. Ядреем воевода назван в Синодальном списке; вариант Комиссионного – «с воеводою Ядрейкомъ» – совпадает с отчеством Добрыни и в уменьшительной форме. Помимо двух летописных фиксаций имя Ядрей известно лишь из надписи на недавно обнаруженной свинцовой печати, происходящей из Белозерска. П.Г. Гайдуков вполне обоснованно, на наш взгляд, атрибутирует печать Ядрею, погибшему в 1193 г. и бывшему отцом Добрыни Ядрейковича.

⁵ Прозоровский Д.И. О родословии св. Антония, архиепископа Новгородского. С. 86.

⁶ См.: Гиппиус А.А. К истории сложения текста... С. 27. Мы писали тогда: «В связи с высказанным предположением об основании церкви Сорока мучеников в память о походе 1193 г. уместно вспомнить некоторые особенности соответствующего церковного предания, а именно, что сорок севастианских мучеников были воеводами-христианами, что мучение, которому они были подвергнуты, заключалось в ночном стоянии в замерзающем озере (вспомним, что избиевание новгородского отряда со

Вячеславу Прокшиничу (оба сообщения заключаются молитвенными благопожеланиями ктитору), причастность к его судьбе самого Антония представляется более чем вероятной, свидетельствуя об особой близости Добрыни Ядрейковича к роду Малышевичей¹.

Еще одним связующим звеном между Антонием и Малышевичами является св. Варлаам Хутынский и основанный им монастырь, в котором принимают постриг Прокша Малышевич, его сын Вячеслав и внук Константин, а в 1211 г., перед возведением его на кафедру – Добрыня Ядрейкович². Как и Малышевичи, Варлаам (в миру – Олекса Михалевиц) принадлежал к боярству Неревского конца, что свидетельствуется фактом существования в XVII в. каменного креста на Дослане (Даньславле) улице, отмечавшего место рождения родителей преподобного³. Этого кажется достаточным, чтобы считать неревским и род Добрыни Ядрейковича.

Д.И. Прозоровский, в статье о происхождении архиепископа Антония, на которую мы уже

несколько раз ссылались, предположил, что Добрыня Ядрейкович был не просто связан с родом Малышевичей, но сам принадлежал к нему. Отца Добрыни – воеводу Ядрея исследователь с полной уверенностью отождествил с Яковцем Прокшиничем, выданным югорцам предателем Савкой⁴. В рецепции этой смелой гипотезы выделяются два направления: одна часть исследователей принимает отождествление Д.И. Прозоровского как данность⁵, тогда как другая полностью его игнорирует. Вторую позицию легко понять: слишком явными кажутся препятствия к отождествлению Ядрея с Яковцем. Главным из них является прямое указание Комиссионного списка на то, что Яковец был убит уже после того, как погиб Ядрей («Потомъ рече Савка князю югорьскому: аще княже, не убиешь еще Яковца Прокшиница...»). Препятствие это, однако, слишком очевидно и не могло не быть ясным самому Д.И. Прозоровскому. Вопрос сложнее, чем кажется на первый взгляд. Если эпизод убийства Яковца отсутствовал в первоначальном

стоялось в разгар зимы) и, наконец, что среди сорока оказался один изменник (место которого занял присоединившийся к мученикам сторож)». К этому можно добавить следующую немаловажную деталь. Церковная традиция особо подчеркивает совпадение «совершенного» числа севастиийских мучеников с числом дней святой Четыредесятницы (см. в Похвале 40 мученикам Василия Кесарийского: «Чьстьно естъ чисмя еже почель еси четырьмидесяты дньми поста» [Супрасльски или Ретков сборник. София, 1982. С. 92]). Четыредесятницу образуют первые пять недель великого поста и часть шестой недели. Истребление же новгородского войска произошло на шестой неделе осады югорского града («и стояша подь городомъ 5 недѣль. <...> И яко изнемогаша голодомъ, стояли бо бяху 6 недѣль, слушающе льстьбѣ их, и на праздникъ святого Николы выльзьше из города иськоша вся»); в агиографической перспективе этот срок легко округлялся до сорока дней.

¹ Семейству Малышевичей владычная летопись уделяет исключительное внимание, отмечая кончины трех его представителей – Прокши Малышевича (6715), Вячеслава Прокшинича (6751) и Константина Вячеславича (6755), – при том, что ни один из них не был посадником. На основании этого И.П. Сенигов предположил даже, что Прокша Малышевич был летописцем. Т.В. Гимон, справедливо отмечая необоснованность этого предположения, видит в устойчивом интересе летописи к Малышевичам свидетельство объективно большого значения этого рода для Новгорода первой половины XIII в., о причинах которого остается только догадываться (см.: Гимон Т.В. Летописные данные о новгородском семействе Малышевичей: Конец XII – первая половина XIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время: Докл. второй науч. конф. (7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 187–196).

² Исторические основания, сильно замутненные агиографическим «абстрагированием», имеют, по всей вероятности, и сведения о близости Антония к Варлааму, содержащиеся в житии преподобного; предполагается, что они могут восходить к самому Антонию, положившему начало сказаниям о своем друге и единомышленнике (см.: Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 16–18; Гордиенко Э.А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в жизни и в мистериях // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 2(16). С. 18–23). Трудно, однако, согласиться с Э.А. Гордиенко, считающей, что Антоний сознательно мистифицировал реальную биографию Варлаама, – фактические и хронологические несообразности житийных текстов естественно, на наш взгляд, – как это всегда и делалось, – объяснять позднейшими искажениями.

³ Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Т. 1. М., 1860. С. 430.

⁴ Прозоровский Д.И. О родословии св. Антония, архиепископа Новгородского. С. 85–86.

⁵ См.: Лопарев Х.М. Книга Паломник... С. 131; Прокофьев Н. И. Русские хождения XII–XV вв. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. № 363. М., 1970. С. 64–70; [таростина] И.П. Хождение Добрыни Ядрейковича в Константинополь // Письменные памятники истории Древней Руси. М., 2003. С. 90.

тексте летописной статьи (а именно это справедливо предполагал Прозоровский), то рассматривать текст младшего извода как представляющий события в их реальной последовательности нет оснований: вставленный эпизод, в котором из ниоткуда возникает предатель Савица, а югорский князь, убив почти сотню новгородцев, дополнительно призывает к себе одного Яковца Прокшинича, вполне мог на самом деле излагать другую, «героическую» версию гибели того же воеводы Ядрея, названного, однако его христианским именем. Ведь Яковец, о котором сказано, что он может вновь «привести воев» в Югру, и есть не кто иной, как воевода.

В отличие от Д.И. Прозоровского и А.С. Хорошева, мы считаем, что эпизод убийства Яковца не был заимствован из отдельного древнего источника (трудно вообразить, что мог бы представлять собой такой источник), но был написан специально для внесения в летопись. Однако первоначальный летописный рассказ имел законченную композицию, отнюдь не предполагавшую возможности такого «расширения». Его можно было или переписать целиком или интерполировать механически, придав результату видимость сюжетной последовательности. Для писца, располагавшего текстом вставки и не являвшегося ее автором, естественно было предпочесть второй вариант¹. Эту нарративную иллюзию и могут создавать наречия *потом* и *еще*, производящие впечатление включенности эпизода в цепь событий, описанных в исходном рассказе².

¹ Аналогии такому подходу к редактуре можно найти в автобиографической части «Поучения» Владимира Мономаха. Воспринимаемый как описание следовавших один за другим походов, этот текст обнаруживает в действительности целый ряд дублировок и противоречий, вызванных, по нашему мнению, тем, что писец, исполнявший редакторскую волю Мономаха, производил вставки, заботясь более об условной связности текста, чем о фактической достоверности и непротиворечивости (см.: Гиппиус А.А. Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции // Русский язык в научном освещении. 2004. № 8. С. 150–157).

² Заметим, что слово *еще* отсутствует в Академическом списке (где читается «Аще, княже, не убиеша Яковца Прокшинича»), а в Комиссионном и летописях Новгородско-Софийской группы стоит на разных местах (ср.: «Аще, княже, не убиеша еще Яковца Прокшинича» в НПЛ Ком. и «Оже и еще, княже, не убиеша Яковца Прокшинича» в Софийской I летописи, Новгородской Карамзинской летописи, части списков Новгородской 4 летописи, а также в Тверском сборнике) [ПСРА. Т. 4. С. 175; Т. 6. Вып. 1. С. 249; Т. 15. С. 282; Т. 42. С. 79]. Похоже, что слово отсутствовало в первоначальном варианте редактур и независимо добавлялось последующими переписчиками.

³ См.: Егоров В.А. Новгородские храмы как памятники русско-финских отношений // Отчет за первые два года деятельности ленинградского общества исследований культуры финно-угорских народностей. Л., 1927 (<http://www.rustrana.ru/article.php?nid=16049>); Мусин А.Е. Христианская община средневекового города северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова: Автореф. дис. ... док. ист. н. СПб., 2002. С. 25.

⁴ Исходя из гипотезы Д.И. Прозоровского, можно попытаться объяснить и загадку происхождения рода Малышевичей. Имя первого известного нам представителя этого рода – Малыш (он упоминается не только как отец Прокши,

Хотя настаивать на таком объяснении не приходится, выдвинутую Прозоровским версию происхождения Добрыни Ядрейковича не следует сбрасывать со счетов. Она наилучшим образом объясняет как появление во владычной летописи эпизода убийства Яковца Прокшинича, так и корреляцию между биографией Антония и основными вехами строительства церкви Сорока мучеников. Если Прокша Малышевич был дедом Добрыни Ядрейковича, а Вячеслав Прокшинич – его родным дядей, то попечение владыки об этом храме оказывается абсолютно закономерным. Предполагаемое родство хорошо объясняет и тот факт, что в 1226 г., то есть на следующий год после возвращения Антония на кафедру, в Неревском конце перестраивается каменная церковь св. Иакова (с. 55). История этого храма, скорее всего, уходит корнями в XI в., будучи связана с победой над Всеславом Полоцким, одержанной в 1069 г. на память св. Иакова брата Господня³; однако для Антония – если он был сыном Ядрея-Якова, – это был и храм, посвященный патрону его отца⁴.

С Неревским концом был связан, по-видимому, и архиепископ Мартирий, прославлению которого служили, как мы считаем, редакторские вставки в статьях 6701–6706 гг. Хотя до избрания на кафедру Мартирий был игуменом Спасо-Преображенского монастыря в Русе, его кандидатуру на выборах 1193 г. выдвигали, конечно же, не рушане, а какие-то круги в Новгороде. Какие же именно? Про-

игравший эти выборы Митрофан через шесть лет занял епископию как суздальский ставленник, при этом решение о его назначении Всеволод принимал, «сгадав с посадником» (с. 44) – людинским боярином Мирошкой Нездиничем. На связь Митрофана с Людиным концом указывает и то, что, вернувшись в Новгород из Владимира в 1218 г., бывший владыка обосновался в Благовещенском монастыре¹. Несомненным жителем Людина конца был и третий кандидат на выборах 1193 г. – (Олисей) Гречин². При таком раскладе и с учетом политической пассивности, проявляемой в эту эпоху боярством Торговой стороны, остается считать Мартирия кандидатом от Неревского конца.

Знаменательно, с другой стороны, что предатель Савка, выдавший югорцам в 1193 г. Яковца Прокшинича, был, судя по всему, жителем Людина конца³, как и другие обвиненные в измене участники злополучной экспедиции, расправу над которыми учинили на обратном пути уцелевшие «путники»⁴. На этом фоне предсмертные

слова Якова Прокшинича – «брате, судит ти Богъ и святая Софѣя, аще еси подумаль на кровь братьи своеи» – могут быть прочитаны как обвинение в адрес противоположной группировки.

С такой их трактовкой, однако, не стоит спешить. «Неревлянин» по происхождению, Добрыня Ядрейкович не был простым проводником интересов неревского боярства на новгородской кафедре. Показательно, что церковь св. Варвары, связанная для Антония с памятью отца, возводится им в Варварине монастыре, находившемся в Людине конце. Еще более важно, что главным героем летописных статей 1214–1218 гг. является посадник Твердислав Михалкович, представлявший на посадничестве боярство Прусской улицы. Твердислава летописец изображает с неизменным сочувствием, защищая от всех возводившихся на него обвинений. Эту позицию проще всего трактовать как выражение «пруско-людинской» тенденции и свидетельство связи летописца с Людиным концом (что неоднократно и делалось⁵). Но

но и как дед Вячеслава, названного под 6735 г. «внуком Малышевым») вкуче с именами Добрыня и Константин (последнее носили сын и внук Прокши Малышевича) составляет триаду, соответствие которой обнаруживается в родословии Добрыни – дяди Владимира Святого. Его отцом был, как известно, Малко Любчанин (заметим, что имя сестры Добрыни – матери Владимира, Малуша, представляет собой точное женское соответствие мужского имени Малыш); Константином же звали сына Добрыни, бывшего, как и его отец, новгородским посадником и казненного по приказу Ярослава Владимировича. Попытки найти потомков Добрыни среди новгородского боярства уже предпринимались, в частности, самим Д.И. Прозоровским, считавшим сыном Константина посадника Остромира, которого запись Остромирова евангелия называет «близоком» Изяслава Ярославича (см.: Прозоровский Д.И. О родстве святого Владимира по матери // Зап. Имп. Академии наук. 1864. Т. 5. С. 17–26). После работы А. В. Поппэ, предложившего более убедительное объяснение этого «близочества», данное предположение лишилось своего главного основания (Поппэ А.В. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 102–120). Представляется, что источником исключительного авторитета семейства Малышевичей вполне могло быть происхождение их от Добрыни – крестителя Новгорода.

¹ «Приде из Володимира архиепископъ Митрофан и провадиша и новгородъци къ святѣи Богородици Благовѣщению» (с. 58). Вопреки А.А. Зайцеву (Архиепископ Антоний Новгородский... С. 122), ничто не заставляет считать, что Благовещенский монастырь был избран местом пребывания опального владыки политически противной ему прусской боярской группировкой.

² См.: Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.А. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 156–176. В свете новых данных Гречин определяется как сын боярина Петра Михалковича, находившегося в родстве с прусскими Михалковичами (см.: Гиппиус А.А. Петр и Якша. К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. 9(19). СПб., 2003. С. 18–31; Гиппиус А.А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. М., 2005. С. 11–25).

³ На это указал Д.И. Прозоровский, отождествив Савку/Савицу с владельцем «Савкина двора» на Ярышеве улице, с которого в 1194 г. начался пожар Людина конца (См.: Прозоровский Д.И. О родословии св. Антония... С. 85).

⁴ См.: Янин В. А. Я послал тебе бересту. Изд. 3-е. М., 1998. С. 322–327.

⁵ См. особенно: Подвигина Н.А. К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник МГУ. Сер. 9. История. 1966. № 1. С. 67–75. Заметим, что вывод Н.А. Подвигиной основывается на трактовке летописных записей 6726 и 6728 гг. как сделанных Тимофеем пономарем при церкви св. Иакова на Добрыне улице. Сейчас, однако, можно уверенно утверждать, что к данной части текста НПА фигура Тимофея пономаря отношения не имеет (см.: Гиппиус А.А. Новые данные о пономаре Тимофее – новгородском книжнике середины XIII века / МАИРСК. Информационный бюллетень. М., 1992. Вып. 25. С. 59–86).

этому противоречит неревское происхождение Антония, ставить которое под сомнение нет никаких оснований. Сомневаться в связи летописца, симпатизирующего Твердиславу, с Антонием тоже не приходится, поскольку эта симпатия коррелирует с идеализацией покровительствовавшего Антонию Мстислава Удалого.

Сочетание неревского происхождения с апологией Твердислава Михалковича может показаться странным, но как раз для Антония такое соединение представляется совершенно естественным. Его программа по сути своей противостоит разьедающей христианскую общину Новгородда территориальной корпоративности. Смысл этой программы – в утверждении идеала, способного сплотить городское сообщество, восстановить «единодушие братии», положив конец междоубному кровопролитию. Таким идеалом и является для летописца Антония Святая София, а его служителями в равной степени выступают неревлянин Яков Прокшинич и прущанин Твердислав.

Вернемся к текстологической стороне дела. Атрибуция летописцу Антония редакторских вставок в статье в статье 6701 г. кажется несовместимой с нашим прежним представлением о «редактуре 1199 г.». Когда же в таком случае были сделаны эти вставки и как они соотносятся с остальным текстом, написанным летописцем Антонием? Отвечая на эти вопросы, приходится выбирать между двумя периодами пребывания Антония на кафедре – в 1209–1218 и 1225–1228 гг. Вторым из них датировал создание нового архиепископского летописного свода М.Х. Алешковский¹. Такой свод был бы самым подходящим «носителем» интересующей нас редак-

туры (как и всего «антониевского» пласта НПЛ), если бы существование его было убедительно обосновано. Между тем большая часть аргументов М.Х. Алешковского в пользу существования свода 1220-х гг., не выдерживает критики.

По М.Х. Алешковскому, этот свод включил в себя написанную Антонием «Повесть о взятии Царьграда фрягами» и целый ряд добавлений, которые ученый прослеживает в тексте НПЛ вплоть до статьи 6733 г. Один из признаков, выделяющих эти добавления, М.Х. Алешковский видел в ошибочных датировках ряда событий начала XIII в., разнящихся на два года по сравнению с датировками тех же событий в Лаврентьевской летописи. Этот двухлетний сдвиг исследователь отмечает в статьях 6711 и 6717–6719 гг. Но если в первом случае датировка НПЛ на два года ниже ультрамартовской датировки Радзивиловской и Московско-Академической летописей (в Лаврентьевской здесь пропуск), то в статьях 6717–6719 гг. она, напротив, на два года выше мартовской датировки Лаврентьевской летописи, в которой после 6714 (1206) г. происходит смена календарного стиля (Радзивиловская летопись обрывается 6713 (1205 г.)). Таким образом, данный аргумент оказывается недействительным.

Вставками свода конца 1220-х гг. из Владимирской летописи Алешковский считал совпадающие с Лаврентьевской летописью фрагменты статей 6726 г. (рассказ о преступлении Глеба Рязанского) и 6732 г. (начало рассказа о битве на Калке). В настоящее время, однако, в обоих случаях с большим основанием усматриваются заимствования в обратном направлении – из Новгородской летописи во Владимирскую². Действительные же текстуальные заимствования из Владимирской летописи,

¹ Алешковский М.Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 104–111.

² См.: Кучкин В.А. 1) Летописный рассказ об убийстве рязанских князей. 2) Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. М., 2003. С. 73–78. Допущение такого заимствования, несомненно, лучше объясняет соотношение текстов, чем разделявшаяся мною ранее версия о параллельном использовании Новгородской и Владимирской летописями общего южнорусского источника. Ценные наблюдения В.А. Кучкина позволяют считать рассказ о битве на Калке в его фактической части целиком основанным на устных сведениях, полученных Антонием в Перемышле, и записанным в летопись вскоре по возвращении Антония в Новгород в 1225 г. Литературно оформленным новгородским летописцем нужно, вслед за Кучкиным, признать и рассказ об избиении рязанских князей. Стилистические характеристики этого рассказа (обилие оценочных эпитетов, риторические вопросы, библейские цитаты и нек. др.) сближают его с той частью владычной летописи, которую мы атрибулируем Тимофею пономарю, летописцу архиепископов Спиридону и Далмату. Тот факт, что в младшем изводе НПЛ рассказ оказался утрачен вместе с окончанием предшествующей фразы, позволяет думать, что он был вставлен в летопись не при составлении нового летописного свода, а путем подклейки дополнительного листа (см.: Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 13–14).

М.Х. Алешковским не учтенные, но опознанные еще Шахматовым¹, имеются в статьях 6711–6712 гг., составляющих тот первоначальный контекст (лучше сохранный в младшем изводе НПЛ), в который оказалась впоследствии внедрена «Повесть о взятии Царьграда». Появление в НПЛ этих известий (равно как и временный переход владычной летописи на ультрамартовский стиль) мы объясняем использованием владимирского летописного свода начала XIII в. летописцем архиепископа Митрофана, ставленника суздальского великого князя Всеволода Большое Гнездо².

Противоречивым выглядит у М.Х. Алешковского и отношение свода конца 1220-х гг. к его предшественнику. Предполагается, в частности, что исходный текст не содержал известия о приходе Добрыни Ядрейковича в Новгород в 1209 г. Это очень странно, учитывая десятилетнее пребывание Антония на кафедре в 1209–1218 гг.: получается, что интерес к летописанию пробудился в Антонии только после его возвращения в Новгород в 1225 г.; кому принадлежал первоначальный текст статей 6720–6726 гг., остается в таком случае неясным. Между тем, как мы видели, именно в этой группе статей заявляет о себе новая литературная манера, позволяющая говорить о смене летописца.

Альтернативу гипотезе М.Х. Алешковского составляет детальная реконструкция процесса формирования текста НПЛ за первую треть XIII в., предложенная недавно Т.В. Гимон³. Исследователь описывает этот процесс как строго

анналистический, то есть состоящий в постепенном наращивании погодных записей; сбивчивость летописной хронологии объясняется им не работой редактора-сводчика, но различиями в хронологических пристрастиях летописцев Митрофана и Антония, а также чередованием двух способов пополнения летописи – синхронного событиям и ретроспективного, когда после перерыва в ведении летописи события сразу нескольких лет описывались единовременно. Такой подход позволяет реконструировать историю текста, практически не прибегая к предположению о редактуре⁴.

Минимализм этой реконструкции, вполне оправданный методологически, представляется, однако, чрезмерным. Не разделяя в целом гипотезы М.Х. Алешковского о «своде конца 1220-х гг.», нужно признать, что отдельные признаки принятого в это время редактирования владычной летописи действительно имеются.

Статья 6732 г., содержащая пространный рассказ о Калкской битве, бесспорно записанный со слов вернувшегося в Новгород в 1225 г. Антония, не могла в ее окончательном виде появиться до этого года. Между тем, как отмечает Т. В. Гимон, последовательность новгородских известий, продолжающих рассказ о битве на Калке, показывает, что в 6732 г. летопись велась синхронно событиям⁵. Это может означать лишь одно: статья 6732 г., написанная в 1224 г., была дополнена после возвращения Антония в Новгород (и, очевидно, до оставления им кафедры в 1228 г.).

¹ Шахматов А.А. Киевский Начальный свод 1095 года // А.А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 128–129.

² См.: Гиппиус А.А. Лингвотекстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 8; Гимон Т.В. Цит. соч. С. 98–102. Несколько иначе трактует соотношение текстов Е.А. Конявская. По мысли исследовательницы, владимирский летописный источник отразился только в младшем изводе, тогда как южнорусские известия 6711 г. Синодального списка восходят к устным источникам (см.: Конявская Е.А. «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). СПб., 2008. С. 98–109). На наш взгляд, во всех южнорусских известиях НПЛ за 6711–6712 гг. соотношение «внешнего» летописного источника и дополнений, основанных на устной информации, является принципиально сходным, различия касаются лишь пропорций одного и другого. Замечу также, что точка зрения Е.А. Конявской оставляет без объяснения механизм появления в младшем изводе известий, основанных на владимирском источнике.

³ Гимон Т.В. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 80–118.

⁴ Исключение делается для статей 6726–6727 гг., ультрамартовский характер которых может, как считает Т.В. Гимон, быть следствием правки номеров годов, связанной с временным возвращением на кафедру приверженца ультрамартовского стиля Митрофана.

⁵ Гимон Т.В. Новгородское летописание первой четверти XIII в. С. 112.

Вслед за М.Х. Алешковским редакторской вставкой, сделанной на основании информации Антония, необходимо признать также известие статьи 6727 г. о завоевании Мстиславом Мстиславичем Галича. Помимо характера информации, предполагающего устный источник, связанный с Мстиславом Удамым, на вставной характер этого сообщения указывает завершающее его упоминание о вокняжении в Киеве Владимира Рюриковича, имевшем место в 6731 (1223) г.¹

Весьма вероятно, что вставное происхождение имеет и пассаж статьи 6726 г., в котором покидающий Новгород Мстислав заявляет новгородцам о своем намерении «поискать Галича»: *Съзва Мъстиславъ вѣць на Ярославъ дворъ, рече: «кляняюся святѣи Софии и гробу отца моего и вамъ; хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду; даи богъ леци у отца у святѣи Софии». Новгородъци же много моляхуся: «не ходи, княже»; и не можахуть его уяти, и поклонивъся поиде (с. 59).* Чуть ниже

Въ лѣто 6714. Прѣставися рабъ божи Митрофанъ, а мирьскы Михалко, постригъся у святѣи Богородици въ Аркажи монастыри мая въ 18, посадникъ новгородьскыи.

Характер отличий между двумя известиями хорошо объясняется трактовкой второго из них как редакторской вставки: ретроспективный характер записи оправдывает отсутствие даты, тогда как дополнения (в первую очередь – молитвенное обращение) выдают особую близость редактора (Антония) к неревскому семейству Малышевичей.

Кончанская тенденция выступает и в статье 6716 г., которую целиком занимает многократно комментировавшееся известие о казни Олексы Сбыславича:

¹ Точка зрения О.М. Рапова, допускающего, что Владимир Рюрикович действительно вокняжился в Киеве в 6727 г. (Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 179, 181), опирается лишь на данное свидетельство НПА и противоречит показаниям других летописей, упоминающим на киевском престоле и до, и после 1227 г. Мстислава Романовича (ср. Гимон Т.В. Новгородское летописание первой четверти XIII в. С. 107).

² Не такое уж частое распространение формулы «лона Авраамова» именами Исаака и Иакова вполне может объясняться в данном контексте биографической «актуальностью» последнего как имени погибшего сына Прокши Малышевича (по Прозоровскому – отца Добрыни Ядрейковича). Попутно отметим также следующее совпадение. В Житии сорока севастьянских мучеников помимо даты их кончины – 9 марта – указан также день, когда святые были преданы на мучение – 26 февраля. В этот день отмечается память св. Порфирия Газского. То, что при пострижении Прокша Малышевич принял именно это имя, кажется неслучайным.

в тексте еще раз говорится об уходе Мстислава: «Поиде Мъстиславъ в Русь». По-видимому, первоначальной является именно эта краткая запись; пространное же известие, предвосхищающее сообщение о походе Мстислава на Галич в следующем году, появилось одновременно с этим последним после 1225 г.

Признаки редакторы обнаруживаются и в статьях 6715–6718 гг., первоначальный текст которых атрибутирован нами летописцу Митрофану. В статье 6715 г. редакторской вставкой мы склонны считать сообщение о смерти Прокши Малышевича. Построенное по образцу записи о смерти Михалка Степановича в предыдущей статье, оно в ряде моментов отступает от этого образца. В известии о смерти Прокши Малышевича нет дневной даты, но есть целый ряд дополнительных элементов – отчество усопшего, упоминание игумена Варлаама, а также заупокойная молитва, особенно пространная в Академическом списке младшего извода. Ср.:

[6715] Въ то же лѣто прѣставися рабъ божи Парфурри, а мирьскы Прокша *Малышевиць*, постригъся у святого Спаса на Хутинѣ, *при игумене Варламе; а покои господи душу его. [въ царствии небеснѣмъ – КА] [на лонѣ Авраама, и Исаака и Иакова съ всѣми праведники – Акад.]*² (с. 247).

Приде Лазорь, Всеволожь муж, из Володимира, и Борисе Мирошкиницъ повелѣ убити Ольксу Събыславица на Ярославли дворѣ, и убиша и без вины, въ субботу марта въ 17, на святого Альксия; а заутра плака святая Богородица у святого Якова въ Неревьскемъ конци (с. 50).

Взгляд «неревлянина» сочетается в этом известии с неявной, но несомненной оппозиционностью Всеволоду Юрьевичу, на которого – *post hoc, ergo propter hoc* – возлагается ответственность за невинно пролитую кровь. Эта позиция находится в противоречии с провсеволодовской установкой, которую летописец Митрофана (как мы помним – суздальского ставленника) демонстрирует

в статье 6717 г., описывая поход Всеволода на Рязань и фактически санкционированный им разгром Мирошкиничей. Квалификация данной статьи как вставки объясняет это противоречие. Она также проливает свет на аномальную хронологию последующих известий (статьи 6717–6722 гг.), датировки которых на два года превышают мартовские.

Наиболее вероятное, на наш взгляд, объяснение этого загадочного хронологического сдвига заключается в следующем. Редактируя текст летописца Митрофана, летописец Антония вставил в него следовавшие одну за другой записи о смерти Прокши Малышевича и статью 6716 г. с известием об убийстве Олексы Сбыславича. Датировки обоих известий были утрамартовские – в соответствии со стилем, принятым летописцем Митрофана. Следующую статью, которая в исходном тексте была, как и предыдущие, ультрамартовской, то есть имела номер 6716, летописец Антония мог бы, теоретически, оформить как продолжение собственной статьи с тем же номером (заменив начальное «Въ лѣто 6716» на «Того же лѣта»). Но он поступил иначе, повысив на единицу номер этой статьи (6716 → 6717), а за ним и следующий (6717 → 6718). Возникшая таким образом «ультра-ультрамартовская» волна докатилась до статьи 6722 г., после которого летопись вернулась в традиционное для Новгорода мартовское русло.

В статье 6718 (исходно 6717) г. антониевской вставкой нужно признать речь, присланную в Новгород занявшим Торжок Мстиславом («Кланяюся святѣи Софѣи и гробу отца моего и всѣмъ новгородцемъ; пришель есмь к вамъ, слышавъ насиліе от князь, и жаль ми своя отцины»). Формальным основанием к этому является стилистика самой речи, в которой впервые (не считая вставки в статье 6701 г.) звучит софійская тема, а идеологическим – откровенно промстиславовская позиция летописца.

Итак, владычная летопись действительно редактировалась после возвращения Антония на новгородскую кафедру в 1225 г. Значит ли это, что

все дополнения, связанные с именем Антония, включая «Повесть о взятии Царьграда» и вставки в статье 6701 г., были сделаны тогда же? На первый взгляд, такое решение кажется предпочтительным как наиболее экономное. Думается, однако, что, пойдя на такую экономию, мы рискуем упростить картину становления текста НПЛ в объективно наиболее сложный период ее истории, уникальный как резкими поворотами в судьбе новгородской кафедры, так и яркостью отпечатка, оставленного в летописном тексте индивидуальностью одного из ее обладателей. Если, вернувшись в Новгород в 1225 г. из Перемышля, Антоний поспешил отредактировать летопись, включив в нее только что слышанный им в Южной Руси рассказ о Калкском побоище, то зачем было ждать почти двадцать лет, чтобы «опубликовать» не менее драматический рассказ о падении Константинополя? Сама обстоятельность «Повести о взятии Царьграда», обилие в ней точных деталей заставляют думать, что рассказ был записан Антонием вскоре после его возвращения из Константинополя; считать же, что текст длительное время существовал вне летописи, оснований нет. В таком случае следует полагать, что при Антонии владычная летопись редактировалась дважды – вскоре после занятия им кафедры в 1209 г. и после возвращения на нее в 1225 г.

Подчеркнем, что речь вовсе не идет о создании на протяжении относительно небольшого промежутка времени двух разных сводов владычного летописания: в обоих случаях объектом редактирования был один и тот же кодекс – «официальный экземпляр» владычной летописи, вставки в который могли производиться путем частичной переписки последней тетради, подклейки дополнительных листов или записей на полях¹.

Допущение такого сценария – не самого экономного, но, на наш взгляд, исторически и литературно более правдоподобного, позволяет, казалось бы, отнести вставки в статьях 6701–6798 гг. к первой из антониевских редактур. К 1225 г. югорский поход 1193 г. уже был делом отдаленного прошлого, да и подчеркивать факт провала Митрофана на давних

¹ О такой модели эволюции летописного текста как альтернативе представлению ее в виде последовательно сменяющих друг друга сводов см.: Гиппиус А.А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.А. Янина. М., 1999. С. 359–360.

архиепископских выборах не было резона, после того как вернувший себе кафедру в 1220 г. новгородский владыка 3 июля 1223 г. отошел в вечность. Другое дело – 1209 г., в котором Митрофан лишается кафедры, обвиненный в неизвестном нам преступлении, а его место занимает Антоний. Припомнить только что изгнанному владыке проигранные им выборы 1199 г. – было бы в духе первых мероприятий Антония, начавшего свою архипастырскую деятельность с перестройки «полаты Митрофановой» в церковь, посвященную собственному небесному патрону («и створи полату Митрофаню церковь в имя святого Антония» (с. 52)).

Но возникает вопрос: а в интересах ли Антония, занявшего кафедру далеко не каноническим образом, было подробно описывать прошедшее в полном соответствии с канонической процедурой избрание Мартирия в 1193 г.? То, что в 1209 г. Митрофан стал жертвой княжеского произвола, ни у кого не вызывает сомнений, и, каким бы ни был предлог, использованный Мстиславом для его устранения¹, надуманность этого предлога самому Антонию не могла не быть ясна. И если Митрофана, несмотря на прямое участие в его избрании Всеволода Большое Гнездо, летопись все же дважды называет «богом избранным» (с. 44, 45), то к Антонию это определение не прилагается (сказано лишь, что его «волею божиею возлюбил ... князь Мстиславъ и вси новгородьци»). Это позволяет усомниться в том, что эпизод избрания Мартирия был вставлен в летопись при архиепископстве Антония.

Это противоречие неожиданно возвращает нас к нашей первоначальной гипотезе о «редактура 1199 г.». Хотя Добрыня Ядрейкович появляется на страницах летописи лишь в 1209 г., есть все основания считать, что и за десять лет до этого, в год смерти Мартирия и закладки церкви Сорока мучеников, он был в Новгороде весьма заметной фигурой. Как уже говорилось, на архиепископских выборах 1193 г. «рушанин» Мартирий выступал кандидатом от Неревского конца. Какой была в 1199 г. неревская альтернатива Митрофану (связанному с Людиным концом и Прусской улицей), мы не знаем, но она должна была существовать. Зная о дальнейшей судьбе Добрыни Ядрейковича, можно думать, что он уже тогда если не сам составлял конкуренцию Митрофану, то, во всяком случае, был видным деятелем неревской церковной партии. В этом качестве он вполне мог инициировать редактуру летописи за период епископства Мартирия, прославлявшую почившего владыку и косвенным образом бросающую тень на Митрофана, уже обойденного однажды божественной благодатью.

«Редактура 1199 г.» оказывается в таком случае первым из трех эпизодов вмешательства Добрыни Ядрейковича – Антония в текст владычной летописи и «первой ласточкой» того идейного и литературного обновления, которое ей предстояло пережить с приходом Антония на кафедру. Именно здесь впервые, еще до паломничества Антония в Царьград, появляется новая формула новгородской веры «Бог и Святая София», предвосхищающая ее многократное использование на страницах летописи.

¹ См. об этом: Зайцев А.А. Архиепископ Антоний Новгородский и некоторые вопросы канонической практики русской церкви в первой трети XIII века // Новоторжский сборник. Вып. 1. Торжок, 2004. С. 118–121.